
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVIII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа,
педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы (<i>И. В. Кульганек</i>)	6
Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой.	10
Поздравления друзей и коллег	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. И. Андреев. Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне.	21
Р. М. Валеев. Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)	30
И. В. Ерофеева. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)	35
А. В. Попов. Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях	49
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. С. Дампилова. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН	62
А. В. Зорин. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН	67
И. В. Кульганек. К вопросу о монгольских паремиях	75
О. А. Сапожникова. Литературная сказка С. Буяннэмэха.	79
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	
Т. И. Юсупова. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР	82
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. Ю. Жуков. Рец. на: «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016)	90
Р. Ю. Почекаев. Рец. на: <i>Дугарова С. Ж.</i> Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.	91
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Гомбожавын Мэнд-Ооёо.</i> Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.	94
Б. Б. Манджиева. III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)	95
ПЕРЕВОДЫ	
Б. Баярсайхан. Наследник (перевод с монг. А. Соловьевой)	98
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Глава первая (перевод со старомонг. Л. Скородумовой)	100
Информация об авторах	105

Т. И. Юсупова

«Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР¹

В статье рассказывается о событиях, предшествовавших созданию Комиссии СНК СССР по научному изучению Монголии в марте 1925 г. Особое внимание уделено специальной правительственной Комиссии по рассмотрению предварительных отчетов экспедиции П. К. Козлова. На заседании Комиссии было принято решение об организации широкомасштабного изучения Монголии Российской академией наук/Академией наук СССР. В качестве приложения приводится стенограмма дискуссионной части этого заседания, которая позволяет понять мотивации научного сообщества и правительства при принятии решения об исследовании Монголии.

Ключевые слова: изучение Монголии, правительственная Комиссия, С. Ф. Ольденбург, Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова, Н. П. Горбунов.

Широко известна важная роль Монгольской комиссии АН СССР (1927—1953) в исследовании Монголии, в развитии советско-монгольского научного сотрудничества. Предшественницей академической комиссии была Монгольская комиссия СНК СССР, организованная в марте 1925 г. в ходе широкого обсуждения деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова на заседании специально для этого созданной особой правительственной Комиссии. Это событие стало результатом большой работы, которая была проведена руководством Российской академии наук, прежде всего С. Ф. Ольденбургом, и рядом других авторитетных академиков и ученых, чтобы привлечь внимание правительства к вопросу о необходимости широкомасштабного изучения Монголии, что было вызвано потребностью самого академического сообщества в продолжении исследования соседней страны, начатого еще в дореволюционный период, и просьбами Ученого комитета Монголии.

Ситуация осложнялась тем, что в первой половине 1920-х гг. Академии наук, до признания ее «высшим всесоюзным ученым учреждением»², приходилось прикладывать немало усилий для «встраивания» в новые социальные сети, поиска путей взаимо-

действия с новой советской властью. Чтобы получить финансирование для своих исследовательских программ, в том числе в Монголии, Академия наук вступала в конкуренцию с другими исследовательскими учреждениями Наркомпроса и прочих ведомств. В данном случае — с Русским географическим обществом, интересы которого и представляла экспедиция Козлова, организованная по его инициативе. В диалоге с правительственными структурами ученые прибегали к актуальной для данного момента и понятной властям риторике, чтобы продемонстрировать «нужность» своих «ученых услуг» для решения конкретных государственных задач. В данном случае, как демонстрирует стенограмма этого заседания, выступавшие аргументировали важность расширения исследования Монголии не только научной, но и экономической и политической целесообразностью как для Монголии, так и для СССР.

Напомним кратко, как развивались события, предопределившие создание правительственной Монгольской комиссии.

В 1923—1926 гг. в Монголии работала Монголо-Тибетская экспедиция Русского географического общества (РГО) под руководством известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова (1863—1935). Ее деятельность, как известно, ознаменовалась крупным археологическим открытием. При раскопках погребений хунну времени китайской династии Хань в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) экспедицией были обнаружены уникальные предметы (войлочные ковры с орнаментами, шерстяные и шелковые ткани, золотые украшения, деревянные и металлические изделия, образцы керамики и др.), характеризующие культуру, верования, хозяйство

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-03-00475а.

² Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. РАН была признана «высшим ученым учреждением Союза ССР», переименована в Академию наук СССР и из Комиссариата по народному образованию (Наркомпросу) переведена в непосредственное подчинение СНК СССР.

хунну, их международные связи. Ноин-улинские находки дали мощный импульс для развития изучения истории хунну. В то же время, это археологическое открытие в начале 1925 г. предоставило научному сообществу уникальную возможность привлечь внимание советского правительства к решению вопроса об оказании Монгольскому Ученому комитету помощи в исследовании страны и о привлечении к этим работам ученых Российской академии наук.

Известие о начатых Монголо-Тибетской экспедицией раскопках заставило неопровержимого секретаря Академии наук (АН) академика С. Ф. Ольденбурга (1863—1935) обратиться к управляющему делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунову (1892—1938), правительственному куратору экспедиции, с предложением направить в экспедицию профессиональных археологов С. А. Теплоухова (1888—1934) и Г. И. Боровку (1894—1941). Одновременно ему удалось получить разрешение послать в Монголию еще двух ученых — почвовед Б. Б. Польшова (1877—1952) и минералога В. И. Крыжановского (1881—1947). Их командировка была вызвана просьбами ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц. Ж. Жамцарано (1880—1942) оказать помощь в исследовании почв и минеральных ресурсов страны.

Широкий научный и общественный резонанс, вызванный очередным археологическим открытием П. К. Козлова³, интерес к ним за рубежом, а также отчеты прибывших из Монголии академических сотрудников и их достаточно противоречивые отзывы о работе Монголо-Тибетской экспедиции стали поводом для С. Ф. Ольденбурга инициировать обсуждение исследовательской работы российских ученых в Монголии на правительственном уровне [Юсупова, 2016. С. 450—458]. Н. П. Горбунов его поддержал, и с этой целью 8 января 1925 г. была создана специальная Комиссия СНК СССР по рассмотрению предварительных отчетов экспедиции П. К. Козлова и ее дальнейших планов. Возглавил Комиссию Н. П. Горбунов. В ее состав вошли академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман (1883—1945), В. Л. Комаров (1869—1945), президент РГО Ю. М. Шокальский (1856—1940), директор Зоологического музея А. А. Бялыницкий-Бируля (1864—1937), проф. Горного института А. А. Борисьяк (1872—1944), сотрудник Геологического музея Академии наук И. П. Рачковский (1878—1961), сотрудник Азиатского музея АН проф. Б. Я. Владимирцов (1884—1931), полпред СССР в Монголии А. Н. Васильев (1878—1941), а также представители НКВД (Л. Е. Берлин (1897—1974) и

Г. Е. Вайнштейн (1880—1940)) и заведующий Главнаукой Наркомпроса⁴ Ф. Н. Петров (1876—1973).

Первое заседание Комиссии состоялось 31 января 1925 г. в Ленинграде. Оно привлекло большое внимание научной общественности, заинтересованной в результатах уже проведенных в Монголии работ и их продолжении. Были заслушаны доклады П. К. Козлова, сотрудника его экспедиции ботаника Н. В. Павлова (1893—1971), С. А. Теплоухова, И. Г. Боровки, Б. Б. Польшова, В. И. Крыжановского, а также И. П. Рачковского — руководителя Монголо-Урянхайской экспедиции Геологического музея АН, которая работала в Западной Монголии в 1922—1924 гг., и А. А. Бялыницкого-Бирули.

Работу Комиссии можно условно разделить на две части: заслушивание докладов о проделанной в Монголии работе и обсуждение методов и направлений дальнейшего ее изучения. Практически все прозвучавшие доклады были опубликованы [Краткие отчеты экспедиций, 1925]. Поэтому мы отметим лишь некоторые их особенности.

П. К. Козлов в большом и обстоятельном докладе дал общий обзор деятельности экспедиции в 1923—1924 гг., представил «картину работ археологических» и географических, а также «исследование живой природы» — собрание гербария и «тех животных форм, которые населяют Монголию». Он выразил признательность С. Ф. Ольденбургу, который прислал в Монголию академических специалистов. Их приезд был важен и для экспедиции, и для Ученого комитета Монголии. П. К. Козлов отметил, что, по его наблюдениям, «Монголия проснулась и идет довольно спешными шагами по пути прогресса», развивает собственные исследования. В этой связи работа и лекции прибывших российских ученых повысили «интерес монголов к своей стране». Монгольское правительство обратилось к П. К. Козлову с предложением оставить после окончания экспедиции часть ее сотрудников для работы в Монголии. По словам путешественника, «это будут те учителя, которые поведут Монголию по пути цивилизации»⁵.

П. К. Козлов также подчеркнул в своем выступлении, что получить разрешение на раскопки было нелегко, поскольку в Монголии был издан закон, регулирующий доступ иностранных экспедиций к их проведению⁶. Однако монгольское правительство пошло навстречу экспедиции из советской России и предоставило ей исключительное право производить работы, а также пользоваться жилищами и машинами.

Н. В. Павлов обратил внимание присутствующих на практическую значимость своих исследований

³ В 1908—1909 гг. при раскопках в засыпанном песками Южной Гоби средневековом городе Хара-Хото Монголо-Сычуаньская экспедиция обнаружила прекрасно сохранившиеся предметы буддийского культа и многочисленные рукописи и книги. Эти материалы позволили восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся (892—1227), находившегося на территории современного Северного Китая.

⁴ Главнаука — Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата народного образования (Наркомпроса).

⁵ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 107.

⁶ 5 сентября 1924 г. в Монголии был принят закон «Об охране памятников старины», который регламентировал работу иностранных экспедиций на территории страны.

для прикладного описания растительности Западной Монголии как кормовой площади. Заинтересованность в этой работе, по его словам, выразили и сами монголы⁷.

Академик А. Е. Ферсман рассказал о результатах обследования В. И. Крыжановским месторождений самоцветов и минералов в районе р. Горихо. При этом именитый академик подчеркнул, что минералогические исследования, и уже сделанные по его поручению В. И. Крыжановским, и будущие имеют важное практическое значение для развития производительных сил Монголии⁸.

Проведенные Б. Б. Польшовым почвенные изыскания в Ургинском районе дали богатый материал для составления почвенной карты Монголии, которая, по мнению Б. Б. Польшова, будет представлять собой интерес «как с точки зрения чисто научной, так и с практической». Практические цели, в свою очередь, отметил докладчик, «обусловлены, с одной стороны, интересами монгольского хозяйства, с другой — интересами сношений СССР с Монголией»⁹.

Кроме того, Б. Б. Польшов в своем докладе обратил внимание на ряд острых вопросов в «монгольском хозяйстве», которые требуют принятия быстрых мер. Так, обследование лесов показало, что они «беспоощадно вырубаются, расхищаются и лесная площадь сильно сократилась», что может вызвать в ближайшем будущем лесной и топливный кризис, «так как отпуск дров будет сильно сокращен». Этот факт побудил монгольское правительство в экстренном порядке издать закон о сохранении лесов. Б. Б. Польшов был уверен, что это обстоятельство тесно связано с проблемой лесоразведения, которая требует «строго научного подхода» и, в частности, расширения почвенных исследований. Другой острый вопрос, который, по его мнению, может «обнаружиться в ближайшем будущем», это нерациональные способы орошения лучших степных почв. Для выработки рекомендаций по изменению системы орошения также нужны почвенные исследования. Понимая их значимость, Ученый комитет предложил Польшову совместно со своим сотрудником В. И. Лисовским продолжить работы в этом направлении на средства Учкома¹⁰.

Доклады С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки были посвящены археологическим раскопкам в Ноин-Уле и характеристике находок. Оценивая сделанные Монголо-Тибетской экспедицией находки, С. А. Теплоухов указал на важность продолжения начатых работ, что «даст возможность изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к изучению палеоэтнографии Сибири»¹¹. Г. И. Боровка рассмотрел культурно-исторические проблемы, на которые археологические коллекции из Ноин-Улы

проливают, по мнению исследователя, «новый, яркий и иногда даже неожиданный свет». В первую очередь это касалось вопроса распространения греческого влияния на скифско-сибирскую культурную традицию¹².

А. А. Бялыницкий-Бируля, говоря о поступивших в музей зоологических коллекциях, собранных экспедицией П. К. Козлова, отметил самую, с его точки зрения, важную особенность работы экспедиции — стационарный характер, в отличие от маршрутных рекогносцировок предыдущих путешествий. Это обстоятельство положительно сказалось на собранном материале, его полноте и разнообразии. А. А. Бялыницкий-Бируля также придерживался мнения о важности дальнейшего углубленного изучения природы Монголии и именно стационарным методом¹³.

Следующим выступил И. П. Рачковский. Он напомнил присутствующим о разработанном Геологическим музеем АН плане геологического исследования Монголии. Первым шагом к осуществлению запланированных исследований стала организация Монголо-Урянхайской экспедиции. При последующем «движении на восток», при наличии финансовых средств, можно будет охватить другие районы, что даст «возможность быстро составить схему геологического строения Монголии». Важность развертывания российских геологических исследований в Монголии, подчеркнул, И. П. Рачковский, возрастает в связи с работой американской экспедиции Музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса. Если срочно не продолжить начатые изучения, считал российский геолог, то Академия наук может уступить исследовательский приоритет в Монголии американским ученым¹⁴.

После заслушивания отчетов о сделанной работе Козлов представил подробный план дальнейших работ Монголо-Тибетской экспедиции. Завершив раскопки в Ноин-Уле, он планировал двинуться в Монгольский Алтай, а затем в Хара-Хото, чтобы забрать оставленные там в 1909 г. крупные статуи и произвести дополнительные раскопки. После этого экспедиция направится в Цайдам, где обустроит наблюдательную станцию и займется стационарными исследованиями «природы и человека». Но для изучения Цайдама необходимы серьезные финансовые средства, а потому эта часть экспедиционного маршрута зависела от решения правительства¹⁵.

В ходе обсуждения докладов, как и предполагалось, завязалась полемика, суть которой сводилась к вопросу, как будет продолжаться изучение Монголии — будут ли это большие экстенсивно-описательные экспедиции РГО или узкоспециальные исследования Академии наук?

⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 102.

⁸ Там же. Л. 101.

⁹ Там же. Л. 97.

¹⁰ Там же. Л. 97—96.

¹¹ См.: [Краткие отчеты экспедиций, 1925. С. 22].

¹² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 89.

¹³ Там же. Л. 82.

¹⁴ Там же. Л. 80; СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1—1925. Д. 1. Л. 78—79.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 74—78.

В поддержку маршрутных экспедиций выступили руководители Географического общества Ю. М. Шокальский (председатель) и В. Л. Комаров (ученый секретарь), а также Н. И. Вавилов (1887—1943). Они считали, что «рекогносцировочный метод может дать не меньшие результаты», а «стационарными исследованиями мы должны заниматься у себя дома, так как у нас есть области еще совершенно не исследованные»¹⁶.

В то же время, прозвучавшие на заседании доклады демонстрировали высокую результативность именно узкоспециальных исследований в Монголии, а также большую заинтересованность и готовность специалистов Академии наук различного профиля продолжать начатые работы. Аргументы академического сообщества оказались более весомыми. Комиссия постановила, что исследование Монголии должна вести Академия наук. С. Ф. Ольденбург сообщил также, что Ц. Ж. Жамцарано неоднократно писал ему о привлечении монголов к исследованию своей страны и убеждал его, что монголы определенно тянутся к русским и желают связать свою работу с ними. Монгольское правительство не только просит продолжить начатые в 1924 г. работы, но даже выделяет на часть этих работ (почвенные и геологические исследования) средства¹⁷.

Говоря об организации работы в Монголии, С. Ф. Ольденбург отметил необходимость иметь в Урге связанный с Академией наук постоянный центр научно-исследовательского характера, который координировал бы работу российских исследователей. Мысль о российском научном центре в Урге поддержал и А. Е. Ферсман, поскольку, как он считал, «настало время для Монголии работать новыми методами». Монголия сама ставит конкретные задачи «строительства своей собственной жизни и своего хозяйства», что связано прежде всего с вопросом изучения производительных сил, «той базы, на которой мы строим народное хозяйство». Все это, по мнению А. Е. Ферсмана, говорит о том, что «намечается большая совместная работа с Монголией»¹⁸.

Н. П. Горбунов как председатель Комиссии подвел итоги заседания, главным из которых было решение продолжить исследовательскую работу в Монголии «для закрепления дружеских отношений с монголами и тех результатов, которые проделаны». Таким образом, Академии наук предстояло начать организацию изучения Монголии силами своих специалистов.

Конкретные вопросы по организации стационарного изучения Монголии обсуждались уже в рабочем порядке. Подготовленный инициативной группой, в которую вошли Б. Б. Полюнов, Б. Я. Владимирцов, В. И. Крыжановский, Г. И. Боровка, почвовед Л. И. Прасолов (1875—1954), И. П. Рачковский, А. А. Бялыницкий-Бируля, проф. Ленинградского

университета, географ А. А. Григорьев (1883—1968), этнограф Л. Я. Штернберг (1961—1927), проект Института изучения Монголии был представлен на заседании комиссии, состоявшемся 7 февраля 1925 г. О серьезных намерениях советского правительства в реализации этого проекта говорит направленная монгольскому правительству нота НКВД, в которой, наряду с выражением благодарности за помощь в работе экспедиции П. К. Козлова, отмечена целесообразность скорейшей организации в Монголии для систематического и всестороннего изучения и содействия развитию научно-исследовательских учреждений МНР такого исследовательского института¹⁹.

Но особое внимание, уделяемое СССР этому региону во внешней политике, потребовало правительственного контроля и за научной работой в Монголии. Поэтому по итогам доклада Н. П. Горбунова о работе Комиссии по рассмотрению предварительных итогов деятельности экспедиции П. К. Козлова и ее дальнейших планов 31 марта 1925 г. СНК принял постановление, в котором говорилось о завершении работы вышеуказанной комиссии, а для организации всестороннего изучения Монголии учреждалась специальная Комиссия СНК по научному изучению Монголии под председательством опять же Н. П. Горбунова²⁰.

В состав Комиссии по научному изучению Монголии или Монгольской комиссии, как ее вскоре стали называть, вошли: заместители председателя С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман, члены Комиссии академики Н. Я. Марр (1865—1934) и В. Л. Комаров, П. К. Козлов, А. А. Бялыницкий-Бируля, Б. А. Владимирцов, Б. Б. Полюнов, А. А. Григорьев, И. П. Рачковский, В. И. Крыжановский, С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка, Ю. М. Шокальский, директор Всесоюзного института прикладной ботаники Н. И. Вавилов, геолог проф. Московской горной академии В. А. Обручев, представители Наркоминдел и Главнауки Наркомпроса РСФСР. Монгольская комиссия СНК СССР за неполные два года своего существования организовала за два полевых сезона 15 экспедиционных отрядов, которые проделали огромную работу по изучению геологии, географии, почв, флоры и фауны, провели минералогические, археологические, этнолого-лингвистические и прочие исследования.

Отрывок из стенограммы заседания, его второй части, дискуссионной, является, как нам представляется, ценным документом для понимания мотивации ученых и правительства в организации этого уникального в международной деятельности Академии наук проекта — Монгольской комиссии. Одновременно этот документ — свидетельство позитивного взаимодействия ученых и государства, когда каждая из сторон смогла использовать сложившуюся ситуа-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 71—70.

¹⁷ Там же. Л. 74.

¹⁸ Там же. Л. 72.

¹⁹ Нота НКВД полпреду Монголии А. Данзану, 4 марта 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 256—257.

²⁰ Выписка из протокола заседания СНК СССР, 31 марта 1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1924. Д. 23. Л. 195.

цию с выгодой для себя: государство — усилить свое идеолого-политическое влияние в Монголии, научное сообщество — получить правительственный заказ и таким образом финансирование для одного из направлений своей исследовательской деятельности.

Приложение

Стенограмма заседания Комиссии СНК СССР по рассмотрению предварительных отчетов экспедиции П. К. Козлова и ее дальнейших планов, 31 января 1925 г.²¹

С. Ф. Ольденбург. Сегодняшнее наше заседание дало нам два чрезвычайно важных и ценных указания для дальнейшего детального исследования Монголии. Нам было здесь указано, что и как должно быть сделано в будущем. Те телеграммы, которые я получил на днях от Ученого комитета Монголии, идут по той же линии. Представитель этого Комитета нам писал неоднократно, что сам желает привлечь к этим исследованиям своих работников и доказывает, что монголы определенно тянутся к нам и желают связать свою работу с нами. Он просит о том, чтобы была дана возможность продолжить в этом году работу, указывая на то, что монгольское правительство ассигновало известную сумму для работ на месте с тем условием, чтобы мы с нашей стороны послали бы известные научные силы, на которые будут ассигнованы средства. Мы слышали от П. К. Козлова примерный план дальнейших работ.

Таким образом, рисуется картина очень широкая и очень важная, и я хотел бы указать на то, что мне особенно важно и ценно было то, как сам Петр Кузьмич представляет в настоящее время ведение экспедиционных работ. Петр Кузьмич — один из немногих оставшихся в живых из того большого поколения путешественников по Средней Азии, которые проложили путь в дотолее неизведанные места. То было время, когда всякая экспедиция велась маршрутным способом, тогда это был единственный возможный способ. Это был способ путешествий от Пржевальского до Козлова. И теперь сам Козлов, оставшийся в живых от этого поколения, говорит, что этот способ отжил век и что мы должны вести экспедиции другим путем, прежде всего путем стационарным.

Кроме того, была указана наиважность дробления [экспедиций] по известным специальностям. Мы здесь видели, насколько этот способ является действительно плодотворным. Мне кажется, эти два пункта более или менее предрешают вопрос о том, как

²¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 66—110. Обратная пагинация. Публикуемый отрывок: Л. 66—74. Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении его стилистики, с корректировкой согласования времени и склонения в словосочетаниях.

[мы] должны вести работу. Тут указывали на важность и на необходимость иметь постоянный центр научно-исследовательского характера в Урге, создать такой центр, связанный с научным центром здесь, у нас, где бы известное количество лиц могло постоянно вести работу. Таким образом, все экспедиции, которые будут идти в Монголию, имели бы [там] постоянную твердую научную базу. Мне представляется, что все эти достижения на сегодняшнем заседании освещены крайне глубоко, особенно в гуманитарных докладах, дающих исчерпывающую картину древнего общения народов, в отношении чего экспедиция Петра Кузьмича дала нам богатейший материал. Мне кажется, теперь нам следовало бы обдумать, как мы поведем нашу дальнейшую работу [в Монголии].

А. Е. Ферсман. В последнем номере журнала «Востоковедение»²² мы читаем весьма любопытную заметку геолога В. А. Обручева о способе ведения экспедиций²³. Может быть, автор вспомнил о тех ошибках, которые он делал, [когда], участвуя в экспедиции Г. Н. Потанина, не мог вести свои работы по собиранию коллекций и таким образом пропустил очень важное открытие²⁴. Я думаю, что он вспомнил именно это, когда писал, что «настало время для Монголии работать новыми методами». Мы видим, что в этом направлении жизнь ставит совершенно определенные задачи и проблемы, которые Монголия сама выдвигает в деле строительства своей собственной жизни и своего хозяйства. Этого общего подхода [и] ждут от нас, работников, на местах. Это вопрос нового хозяйства, следовательно, он связан с вопросом изучения производительных сил, той базы, на которой мы и строим народное хозяйство. С этой точки зрения мы неизбежно подходим к той постановке вопроса, которую подчеркнул П. К. Козлов: о необходимости внесения планомерности в изучение тех районов [Монголии], которые уже были предварительно освещены самим Козловым. Поэтому, я думаю, задача [изучения Монголии] неизменно распадается на две части. Одна будет касаться только отдаленных районов, где не изжиты старые, марш-

²² Здесь ошибка. Журнал называется «Новый Восток». Речь идет о статье: *Обручев В. А.* Очередные задачи исследования Монголии // *Новый Восток.* 1924. № 6. С. 287—290.

²³ В своей статье В. А. Обручев писал о продолжении изучения Монголии не большими, а специализированными экспедициями, которые решали задачи конкретных научных направлений.

²⁴ В. А. Обручев в 1892—1894 гг. совершил путешествие по Центральной Азии. В одной из впадин Гоби (Кульджин-Гоби) по пути из Урги в Калган он нашел осколки челюсти третичного носорога (бронтотерия), которые стали первой зарегистрированной окаменелостью из Монголии. Однако он не смог продолжить исследования в этом направлении, и честь первооткрывателей уникальных палеонтологических находок в Монголии принадлежит американской экспедиции Музея естественной истории в Нью-Йорке под руководством Р. Ч. Эндрюса.

рутного характера [исследования], а с другой стороны — намечается большая совместная работа с Монголией.

Заведующий Главнаукой Ф. Н. Петров. Здесь уже указывали, что дальнейшую работу придется направить в другое русло. Я думаю, что нам придется разрешить несколько вопросов. Во-первых, изменится ли первоначальное направление экспедиции [П. К. Козлова]? Затем, мы должны будем перестроить работу экспедиции и перейти на комплексный метод. Здесь следует указать, что кроме геологических и археологических исследований и общих исследований флоры и фауны, несомненно, следует уделить внимание экономическому исследованию Монголии. Для нас это чрезвычайно важный факт. И у меня лично возникла мысль, что, несомненно, нам придется в этом отношении пойти навстречу монгольскому правительству, создавая, быть может, пока один, а затем несколько исследовательских центров, которые будут «собирать» исследовательские работы. Я лично думаю, что, несомненно, сейчас будет более правильным перейти на стационарные работы, но обязательно привлечь к этим работам монгольское население, без непосредственного участия которого нам, несомненно, будет труднее вести работу. Изучение вопроса <...> организации научного центра, который бы явился базой для ряда работ, и его разработку считаю необходимым дать Главнауке.

Н. И. Вавилов. Мне определенно известно то обстоятельство, что прямой путь на Лхасу выявлен. Исходя из возможности прямого движения я позволю себе оспаривать выдвигающееся здесь предложение. Надо сказать, что когда отправляется экспедиция из СССР в Среднюю Азию или в другие страны, то, во всяком случае, мы не можем поставить те задачи, которые были здесь поставлены Монгольской экспедиции [П. К. Козлова]. Ясно, конечно, что обследовано еще очень мало. Мы имеем области, которые представляют собой не меньший интерес, чем, например, район Урги. Я думаю, что стационарный метод на Кавказе, так же как и в Грузии даст не меньшие результаты, так как эти области чрезвычайно мало исследованы. Во всяком случае, этот вопрос спорный. Нужно сказать, что с разных точек зрения, и с точки зрения прикладной, рекогносцировочный метод может дать не меньшие результаты. Я могу сейчас определенно сказать, что в дальних странах рекогносцировки должны быть выдвинуты на первое место, ибо для нас гораздо важнее направить нашу энергию, наши силы на изучение родной страны. До сих пор интересной практической деталью являлось то направление, которое вначале приняла экспедиция [Козлова]²⁵. Как известно, около Тибета находится очаг старого земледелия. Полученный материал представляет исключительный интерес. Я говорю это как географ. В настоящее время в смысле общего изучения Азии необходимо затронуть и земледелие. И в этом отношении следует пока

рекогносцировочный метод поставить на первую очередь.

Нам остается пожелать, чтобы экспедиция П. К. Козлова, мы это решим большинством голосов, носила бы стационарный характер, уделяя в то же время некоторое внимание рекогносцировкам. Может быть, она могла бы выделить 2—3 лица, которые могли бы достигнуть той желанной цели, которая привлекает общее внимание, и не ставить преждевременно крест на работе, которая намечалась в этой области. Работа английской экспедиции была очень односторонней, и исследования англичан нас не удовлетворили²⁶. Этот вопрос следует решить в положительном смысле, если можно двигаться в этом направлении, и наше горячее пожелание, чтобы это было выполнено. Я лично держусь того мнения, что стационарными исследованиями мы должны заниматься у себя дома, так как у нас есть области еще совершенно не исследованные.

В. Л. Комаров. Мы здесь запутались в двух совершенно разных задачах. Я скажу, алмазами не мостят улицы, и такую большую величину, как П. К. Козлов не держат на веревке. Его метод работ показывает, что его главная задача состоит в том, чтобы на нашей географической карте не было больше белых мест. Мы прекрасно знаем, где что сделано и где что нужно сделать.

И я скажу, что все сказанное здесь, на заседании, относится к работе стационарной, под руководством опытных специалистов. Но у нас есть еще такие неисследованные места, где еще никто не был и откуда мы потом будем чрезвычайно рады получать сведения.

На эту экспедицию были отпущены весьма скромные средства, а Козлов привез нам массу предметов, обогативших наши русские музеи, и в то же время каждая вещь стоила несколько копеек²⁷. [Если] мы посылаем квалифицированных ученых, привыкших к культурной, художественной жизни, то мы должны будем обеспечить их всем необходимым.

Перед нами стоят две задачи. Одна научно-исследовательского характера, а другая политическая. Что нам дать Урге? Урга просит от нас помощи и требует от нас руководства. <...> Мы должны детально исследовать окрестности Урги. Конечно, посылать на такую работу такого человека, как Петр Кузьмич, не следует; его нужно посылать вглубь страны.

Представитель Наркоминдела Г. Е. Вайнштейн. Я не специалист, но уверен, что результаты достижений П. К. Козлова нужно во всяком случае закрепить. Это закрепление должно быть совершено по возможности немедленно. Выразится ли это в форме новых дополнений к экспедиции или в какой-нибудь другой форме, опять-таки здесь на собрании в настоящий момент [решить] невозможно. Я поэтому

²⁶ Не удалось определить, о какой английской экспедиции говорил Н. И. Вавилов.

²⁷ Имеется в виду, что затраты на производство археологических раскопок были очень незначительными.

²⁵ Здесь имеется в виду Тибет.

поддерживаю предложение Ф. Н. Петрова назначить подкомиссию, которая рассмотрела бы все то, что было изложено в настоящем заседании для закрепления в той или иной форме достижений товарища Козлова. Я повторяю, что здесь не исключена возможность других экспедиций, но эта экспедиция будет стоять первой в повестке дня. Во всяком случае, в настоящем собрании спорить о дальнейших методах работы представляется мне безрезультатной и бесцельной тратой времени.

С. А. Теплоухов. Здесь говорилось об исследовании Монголии, но абсолютно не говорилось об этнографических и антропологических исследованиях. Мне было поручено составление, сметы и я хотел бы подчеркнуть важность исследований в этом отношении.

Ю. М. Шокальский. Прежде всего я должен присоединиться к тому, что сказал академик В. Л. Комаров. По моему мнению, все, что говорилось, очень характерно. Петр Кузьмич Козлов видел широко свою задачу, понимал совершенно справедливо все значение своих открытий. План работ, который он представил, является чрезвычайно важным, ибо такого рода работами вызывается мировое уважение к стране. Что это так, я могу доказать тем, что вчера получил письмо от известного путешественника, который меня уведомляет, что только что окончен перевод на немецкий язык в Берлине описания предыдущего путешествия П. К. Козлова²⁸, и, следовательно, это доказывает, что такого рода работы имеют мировое значение и что все эти исследования необходимо производить, и я подтверждаю, что другого такого человека, как Козлов, нет, его нельзя произвести, он может создаться только работами целого ряда лет. Мы должны его использовать. У него есть еще достаточно сил и энергии. Нельзя тратить его силы непроизводительно. Он может произвести целый ряд исследований, которые другие произвести не могут. Первые исследования центральных частей Азии были сделаны русскими людьми, следовательно, чрезвычайно важно продолжать это исследование.

Н. П. Горбунов. Я думаю, что можно будет подытожить сегодняшние прения.

Ф. Н. Петров. Я думаю, что академик В. Л. Комаров не понял те предложения, которые здесь делались, и в этом отношении Главнаука против экспедиции как таковой ничего не имеет. Мы говорили только в отношении Монголии. Что же касается продвижения в неизвестные страны, то в этом отношении Главнаука не возражает [против экспедиции Козлова] и горячие дебаты, которые были направлены против нее, совершенно излишни.

²⁸ Речь идет о немецком путешественнике, исследователе Центральной Азии и Антарктиды В. Фильхнере, который инициировал перевод на немецкий язык книги П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (Пг., 1923): *Kozlow P. K. Zur Toten Stadt: Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1925.*

П. К. Козлов. Я скажу два слова по поводу предложения С. А. Теплоухова. Когда мы говорим о географических исследованиях, то сюда входят и этнографические задачи. И я уже сказал, что экспедиция располагает этнографом С. А. Кондратьевым. Работа экспедиции в этнографическом отношении идет вперед.

Н. П. Горбунов. Я думаю, что, в сущности, все сказано и все вопросы исчерпаны. Я полагаю, что все сказанное можно подытожить в двух направлениях: все то, что уже сделано, и второе — все то, что предстоит сделать. Я думаю, что комиссия должна осветить результаты всей той работы, которая была проделана в Монголии. Я думаю, что самое лучшее будет поручить произвести эту научную оценку Академии наук, а с другой стороны, Географическому обществу, чтобы эта оценка была бы дана совместно. После чего мы представим наш доклад правительству. Это первое.

Теперь нужно произвести политическую оценку работы экспедиции. Здесь я буду просить представителя НКВД взять ее на себя, чтобы мы могли и эту политическую оценку представить правительству.

Нам нужно отдельно выяснить вопрос, связанный с коллекциями²⁹. Вот уже сейчас я выяснил, что существует две точки зрения относительно нахождения археологических коллекций. Географическое общество придерживается той точки зрения, чтобы сдать эти коллекции в Русский музей, а Эрмитаж просит, чтобы эти коллекции были предоставлены ему. Этот вопрос, я думаю, должен быть разрешен подкомиссией.

Затем мы должны просить Петра Кузьмича в нашу подкомиссию представить финансовый отчет экспедиции с тем балансом средств и материалов, которые сейчас имеются. Таким образом, у нас будет некоторая база, чтобы судить о бюджете экспедиции. Это относится к той работе, которая уже проделана. Теперь о будущей работе.

Совершенно очевидно, что для закрепления дружеских отношений с монголами и тех результатов, которые получены, эту работу нужно продолжить, тем более что мы здесь имеем детально разработанный план. Работы там непочатый край. Правда, что территория СССР не исследована стационарно во всех отношениях, но тем не менее для закрепления связи для проникновения в Монголию нашего политического влияния это стационарная работа нам необходима. Нужно использовать инициативы, чтобы устроить научную базу. Я думаю, что советское правительство пойдет навстречу монгольскому правительству и выделит специальных исследователей и средства для оборудования там станции — органа Академии наук, опираясь на которую, можно было бы развернуть работу.

Но все-таки вопрос относительно подхода к Тибету остался открытым. Здесь нам невозможно об-

²⁹ Речь идет о ноин-улинских археологических коллекциях Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.

суждать этот вопрос. Он требует обсуждения и указания НКВД. Конечно, придется расширить средства, и если эта работа невозможна, то я думаю, что следует выдвигать работу по Цайдану, которая не требует больших средств. Таким образом, мне кажется, что следует несколько изменить состав экспедиции. В этих словах я очертил те вопросы, которые ставились.

[Для дальнейшей работы] я бы предложил создать подкомиссию и выдвинуть в состав: П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга, П. К. Комарова, Ф. Н. Петрова и А. Е. Ферсмана. Я думаю, что эта комиссия придет к единогласному решению и если не будет больших разногласий, то пленума мы созывать не будем, а представим докладную записку [правительству], причем в докладной записке сообщим намеченный план дальнейших работ.

А. А. Борисяк. Я предложил бы добавить в комиссию геолога.

Н. П. Горбунов. Коли мы создадим большую комиссию, то она не сможет работать. Я думаю, что план работы в Монголии нам представит Академия наук, и эта работа затем будет согласована с Главнаукой. Я думаю, что не следует очень расширять эту комиссию, так как это затруднило бы работу комиссии.

С места. Я думаю, что следовало бы сюда включить представителя НКВД.

Н. П. Горбунов. Давайте включим представителя от НКВД. Кроме того, нам нужно согласовать с Географическим обществом и этой комиссии поручить вопрос о передаче коллекций и добытых материалов. На этом разрешите считать собрание закрытым.

Литература

Краткие отчеты экспедиций, 1925: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925 (*Kratkie otchety ekspedicii po issledovaniyu Severnoi Mongolii v svyazi s Mongolo-Tibetskoj ekspedicii P. K. Kozlova. L.: Izd-vo AN SSSR, 1925*).

Юсупова, 2016: *Юсупова Т. И.* С. Ф. Ольденбург и организация изучения Монголии Российской академией на-

ук // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки / ред.-сост. И. Ф. Попова. М.: Наука; Восточная литература, 2016. С. 450—458 (*Yusupova T. I. S. F. Ol'denburg i organizatsiya izucheniya Mongolii Rossijskoj akademiei nauk // Sergei Fedorovich Ol'denburg — uchenyi i organizator nauki / Red.-sost. I. F. Popova. M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 2016. S. 450—458*).

T. I. Yusupova

«A big Collaboration with Mongolia is planned»: to the History of the Foundation of the Mongolian Commission under the USSR's Government

The article describes the events that preceded the foundation of the Commission for the scientific study of Mongolia under the patronage of the Council of the People's Commissars of the USSR in March, 1925. Particular attention is paid to the special government Commission for the review of preliminary reports of P. K. Kozlov's expedition that decided at its meeting to organize a large-scale study of Mongolia by the Russian Academy of Sciences / USSR Academy of Sciences. A verbatim report of this session's discussion part, which allows to understand the motivation of the scientific community and the government in deciding on the study of Mongolia, is included as an appendix.

Key words: study of Mongolia, a government commission, S. F. Oldenburg, P. K. Kozlov's Mongolian-Tibetan expedition, N. P. Gorbunov.